

Заемствованная лексика в ойратском письменном языке

Науке практически неизвестны гомогенные в структурном и материальном отношении языки, развитие которых протекало бы в изоляции от внешних воздействий. Иными словами, в истории развития человечества трудно найти пример совершенно обособленного существования какого-либо народа, на жизнь и культуру которого не оказывали бы влияния другие народы и другие культуры. Как народы, так и их культуры в ходе своего развития сталкивались с другими народами и культурами, вследствие чего происходили их взаимовлияние и взаимообогащение. Основная и наиболее распространенная форма языкового влияния одного народа на другой, а также их взаимовлияния и взаимообогащения – это заимствование иноязычных слов. Процесс заимствования, как правило, обогащает язык, делает его более гибким и не ущемляет его самобытности, поскольку при этом сохраняются основной словарь языка, присущие данному языку грамматическая система и фонетический строй, не нарушаются внутренние законы языкового развития. Дисперсное расселение ойратских племен, охватывающее огромную территорию, включающую в себя Западную Монголию, Непал, Тибет, Алашань, Синьцзян, Иран и Нижнее Поволжье, а также Северный Кавказ (XVII-XVIII вв.), свидетельствует об экспансивном передвижении, кочевке ойратов, происходивших в XVII-XVIII столетиях. Результатом этих перекочевок, а, говоря военным языком, колоссальных по своему размаху маршбросков, явились непосредственные контакты как с русскими, китайцами, маньчжурами, тибетцами, непальцами, так и с народами мусульманского мира: персами, тюрками, народами Северного Кавказа, Крыма, Турции. Взаимоотношения с новыми соседями носили не только военный, политический характер. Имели место, несомненно, экономические и культурные связи. Поэтому в ойратском языке, кроме исконных слов, имеется немало иноязычной лексики. Заимствование слов из других языков обусловлено, как известно, различными социально-историческими факторами, связанными главным

образом с необходимостью развития торговых, экономических, культурных и других связей между народами. Как мы упоминали выше, такие связи у ойратов с новыми и старыми (например, с китайцами, маньчжурами) соседями имели место.

Результатом этих связей явились многочисленные иноязычные слова, заимствованные в разное время и по разным причинам ойратским языком из языков самых различных систем. С носителями некоторых языков ойраты не всегда имели непосредственные контакты. Известно, что часто иноязычные слова попадали в ойратский язык через другие языки (главным образом уйгурский и тибетский). Так, в ойратском языке появились арабские, греческие и санскритские слова.

Рассмотрим основные источники заимствования, объем и характер заимствованных единиц. Материалом для исследования послужили словари К.Ф. Голстунского¹ и А.М. Позднеева², а также текст ойратского сочинения "Altan erike".

Тибетизмы

Появление тибетизмов в ойратском языке связано со второй волной распространения буддизма среди ойратов.

Б.Я. Владимирцов³ отмечал, что вместе с уйгурской письменностью в XIII веке в монгольские языки из уйгурского языка вошли буддийские термины и некоторые другие слова.

В XVI веке к монголам, в том числе и к ойратам, стал интенсивно проникать буддизм. Дети влиятельных монгольских вождей признавались перерожденцами святых (гегянов) и получали высшее религиозное и светское образование в лучших монастырях Тибета. В частности, Зая-Пандита, выдающийся ойратский просветитель и ученый, являлся родным племянником могущественного ойратского Байбагас-хана, хошуда по происхождению. Знаменитый ойратский Галдан-Бошохту-хан, признанный перерожденцем тибетского Инза-Хутукты и получивший духовное образование в Лхасе, был сыном влиятельного Эрдни-Баатр хун-тайджи. Известный в Восточной Монголии Нейжи-Тойн, об экстрасенсорных способностях которого ходили легенды, был сыном просвещенного торгутского князя Мерген-Темена, жившего со своим племенем на берегах озера Куку-нор. Они занимались

57000

переводами на монгольские языки с тибетского и санскритского языков сочинений религиозного содержания, а также книг по медицине, логике, филологии, философии, внедряли буддизм в монгольскую среду, боролись с шаманизмом, уничтожая шаманские бубны и другие атрибуты поклонников Хормусты. Так появились у монголов буддийские термины, заимствованные из этих новых источников. Тем более, что созданное Зая-Пандитой «ясное письмо», на которое были переведены им и его учениками тибетские и санскритские книги, делало тексты более понятными в отличие от «худам бичиг» - старомонгольской письменности. Таким образом, буддизм в XVI-XVIII веках интенсивно внедрялся в монгольскую среду, в том числе и в ойратскую. Об этом периоде свидетельствует буддийская лексика в ойратском языке, заимствованная из тибетского языка. Следует здесь учесть и роль хошудских правителей, особенно Гууш-Номин-Хана. По ойратским преданиям, имя монгольское «Далай», что значит «океан», дал верховному ламе Тибета Гууш-Номин-хан: «Усна икнь далай гидг, чи – Далай-лам бол» (Самое большое водное пространство, говорят, океан. Будь ты – Океан-Лама). Также Гууш-Номин-хан хошудский дал имя «Богдо» (от названия священной ойратской горы Богдо-уул «Тянь-Шань») Панчен-ламе, именуемого с тех пор Панчен-богдо: «Уулын өндрнь Богд гидг, чи Панчен-богд бол» (Самая высокая гора, говорят Богдо. Будь ты Панчен-Богдо).

Приведем примеры тибетских заимствований в ойратском языке: *tonting* «сапфир», *yaŋciq* «оглавление», *šil* «хрусталь», *lač* «сургуч», *lit* «календарь, альманах», *egesig* «ясный звук, отчетливое произношение», *sang* «музыкальные тарелки», *umjad* «канонарх; уставщик», *gaday* «сложенная узкая шёлковая ткань, которую подносят в знак дружбы, поздравления», *qutuŋtu* < уйгур. < тиб. – «высший сан буддийского духовенства», *jambuling* – «мир, вселенная», *blama, lama* – «лама, буддийский монах», *lingbu* – «лимба, флейта», *sang* – «воскурение, фимиам», *dombu, domo* – «кувшин», *nirba* – казначей, *gbum* – «сто тысяч» < тиб. *bum, saya* – «миллион» < тиб. *sa-ya, byeva* – «десять миллионов» < тиб. *bye-ba, dungšuur* – «сто миллионов» < тиб. *dung-phyur, ter gbum* – «миллиард» < тиб. *ther-bum, yeke ter gbum* – «десять миллиардов» < тиб. *ther-bum-chen-po, krag kriq* – «сто миллиардов» < тиб. *khraq-khriq, yeke kraq kriq* –

«триллион» < тиб. *khrag-khrig-chen-po* (для обозначения больших чисел ойраты, как и все монголы, пользовались словами, заимствованными из тибетского языка); *yertünčü* – «природа, мир» < тиб. «мир», *qamba* < тиб. *mkan-bo* – «высший духовный сан в буддийских монастырях, епископ», *gebše* < тиб. *dge-bšes* – «учёный лама», *gürem* < тиб. *sku-rim* – «ритуальная молитва», *lunden* < тиб. *lung-ston* – «пророчество, пророческое писание», *cam* < тиб. *čham* – «религиозные мистерии», *dung* < тиб. *dung* – «морская раковина», *nomin* < тиб. *tu-ming* – «лазурит», *jambaa* < тиб. *cam-pa* – «поджаренная мука», *gebgi* < тиб. *dgebkos* – «лама, наблюдающий за порядком во время богослужения», *dacan* – «ламаистский монастырь» < тиб. *grva-sxang*, *dugan* < тиб. *du-kan* – «молельня», *bunqan* < тиб. *spungs-kxang* – «часовня, гробница», *dibajān* < тиб. *bde-ba-can* – «рай Будды Амидабы», *barsad* < тиб. *bar-čad* – «неизбежный, несчастный случай», *serjem* < тиб. *dser-skuem* – «возлияние, жертвенные брызги», *orōlon* < тиб. *ro-langs* – «вампир».

Личные имена ойратов, заимствованные у тибетцев: *galdan* < тиб. *dga-ldan* – «счастливым», *gombo* < тиб. *mgon-po* – «покровитель, защитник», *baldan* < тиб. *dpal-ldan* – «превосходный», *daba* < тиб. *zla-ba* – «Луна», *daši* < тиб. *bkra-šis* – «счастье, благоденствие», *ceren* < тиб. *tshe-rin* – «долголетие», *dagba* < тиб. *dag-pa* – «чистый», *sandan* < тиб. *bsam-gtan* – «созерцание, размышление».

Теперь приведем несколько примеров из письменного источника «*Altan erike*», свидетельствующих о том, какое место в книжной лексике ойратского языка занимают заимствования из тибетского языка, в основном, как правило, религиозного содержания: *bkra-šis pad-dkar-bsad-sgrup darkas gling kemekü mjan-mdid grva-canggiyin jisa sanggiyin üyeles büderiyidi jakiran büteküi nirba*. «Казначей, который выполняет казначейские обязанности в цанид-дацане, именуемом Даши Бадгар Саддуб Даркалинг». *ündüsün blamatan tanai dergedü*. «Рядом с Вами, коренной учитель». *Zongkpayin gegēni egüürde šütümüi*. «Постоянно молится Зонкве-геяну». *ilaYuqsan dalai blama-du mörgümüi*. «Поклоняемся победителю Далай-ламе». *Burqan nirvan boluqsan-ēce dörbön joun jil bolqui-du Kaniqa xān ögligüyin ejen bolji*. «Через 400 лет после того, как бурхан ушел в нирвану, Каника-хан стал милостынедателем». *bodqi olji burqan bolboi*. «Получив просветление, стал бурханом». *Caγān bečin*

öön-dü Nagarjuna bagši iltebei. «В год белой обезьяны родился учитель Нагарджуна». *Qaragčïn qonin jildü tenggeri erketü qān Šambila-yin širei-dü soubai.* «В год черноватой овцы хан, обладающий божественной властью, сел на трон страны Шамбала».

Санскритизмы

Появление в монгольских языках, в том числе и в ойратском, санскритских слов связано также с распространением буддизма. Б.Я. Владимирцов⁴ считал, что первоначально санскритские слова проникали в монгольские языки через уйгурский, затем — через тибетский языки. Н.С. Яхонтова⁵ констатирует, что санскритских заимствований в ойратских текстах несколько меньше, чем в монгольских. Это объясняется следующим образом. Если в монгольских памятниках санскритские слова транскрибируются, то в аналогичных ойратских памятниках дается их буквальный перевод. Н.С. Яхонтова⁶ отмечает, что переводится большая часть санскритских имен собственных и географических названий, например: *Sarasvati* — *egešiq-tü* «благозвучная», *Suvarnagarbha* — *altani züreken* «золотое сердце», *Rajagrha* — *xāni xarši* «ханский дворец».

Приведем примеры, иллюстрирующие заимствования в ойратском языке из санскрита: *kala čakra* «колесо времени», *mandal* «мандала», *nirvan* «нирвана», *adis* «благословение», *bodhi* «просветление», *bendurya* «лазурит», *galab* «кальпа, эра», *šagšavad* «нравственность», *baqši* «учитель, учитель веры», *sudur* уйг. *сумур* «сутра, религиозная книга», *badaq* «стих, строфа; фраза; знак препинания, точка», *šülüq* «стих, рифма, стишок», *šastir* «шастра, историческое сочинение» (Позднеев С. 164), «толкование, объяснительные сочинения; повествование, рассказы» (Голстунский II. С. 370), *agčim* «миг, мгновение» (Позднеев С. 12), «секунда, мгновение, самый короткий промежуток времени» (Голстунский I. С. 58), *abiyas* «наклонность, страсть к чему-либо» (Позднеев С. 3), *kanda saĵ* «густой чай» (Позднеев С. 279), «сгущенный сироп, пастила» (Голстунский III. С. 384), *aršaan* «расаяна, нектар, священная вода» (Позднеев С. 14), «святая вода; целебные воды» (Голстунский III. С. 488), *zati* «мускатный орех» (Позднеев С. 258), «мускатный орех» (Голстунский III. С. 329), *küji*

«курительная свеча (в кумирне)» (Позднеев С. 296), «священная трава» (Голстунский III. С. 459), *yaridi* «гаруди, мифическая птица; царь птица, орёл» (Позднеев С. 110), «баснословная птица; феникс» (Голстунский III. С. 396), *zandan* «сандал» (Позднеев С. 257), *mantara* «мантра», *sansar* «сансара», *ušnir* «ушниша», *samadi* «созерцание», *ginar* «киннар», *bud* «бхуты», *bidar* «веталы», *γandar* «гандхарвы», *jagčis* «якшы», *ubaši* «мирянин, принявший духовный обет», *ubadis* «чары, волшебство, колдовство».

Приведем примеры (несколько предложений) из письменного ойратского источника «Altan erike», иллюстрирующего, как работают санскритские слова в ойратском тексте: *sayan bendurya-yin yosör bolbasu*. «По закону «Цаган Вайдурьи» (дословно «белый лазурит»); *mingyan altan ceceg yaruqsani tenggerner šinjileji ene yalab-tu mingyan burxan ireküyin sayin belges kemegsen-yēr sayin yalab kemen neredbei*. «Когда расцвели тысячи золотых цветов, тенгрии, проанализировав хорошие признаки, решили в эту эру придут тысячи бурханов и назвали эту эру хорошей»; *xara morin jil-dü sayin sara nomiyin xān Šambila-dü ödö bolji kala čakra-yin xoto mandal bosxoji*. «В год чёрной лошади Сайин сара номийин хан появился в стране Шамбала и воздвиг мандалу Калачакры».

Уйгуризмы

Тесные контакты монголов с уйгурами как в культурном плане, так и в экономическом общеизвестны. Выше мы уже писали, что через посредство уйгурского языка в монгольские языки проникли буддийские термины из тибетского и санскритского языков. Но монголы какие-то слова позаимствовали и непосредственно из уйгурского языка. Приведем несколько примеров, на наш взгляд, являющихся в монгольских языках заимствованиями из уйгурского языка: *suburyan* «субурган», *titim* «корона», *bogdo* «святой», *kürdü* «молитвенный барабан», *udyan* «шаманка», *bek* «чернила».

Арабские и персидские заимствования

В период образования обширной монгольской империи Чингис-хана перед учеными-арабистами встала задача -

изучение языка завоевателей, так как монгольские наречия приобрели большое практическое значение. Появляются монгольско-персидский и арабско-монгольский глоссарии. Следует отметить четырехязычный арабско-персидско-тюркско-монгольский словарь «Мукаддимат ал-Адаб», написанный известным арабистом ал-Замахшари. Н.Н. Поппе⁷ считает, что монгольская часть этого труда была составлена кем-то другим до 1492 г., т. к. именно этим годом датирует свою рукопись переводчик. Но для нас интерес представляет другая деталь: еще в конце XV столетия монгольский язык в Средней Азии, возможно, и в Персии продолжал функционировать, так как иначе вряд ли ученые стали бы переписывать этот четырехязычный словарь, дописывая монгольский глоссарий, включающий в себя несколько тысяч слов.

В ойратском сочинении «Сказание о дербен-ойратах» написано, что во второй половине XV века большая часть олётов покинула Джунгарию и перекочевала в Кызылбашию (Персию). Следовательно, в Персии в XV веке функционировал монгольский язык и, соответственно, была монголоязычная среда. Об этом еще косвенно свидетельствует тот факт, что в четырехязычный словарь «Мукаддимат ал-Адаб» был включен и персидский язык. В другом ойратском письменном источнике, торгутском, пишется, что торгуты прибыли в Джунгарию из Северной Индии. Предания хойтов, одного из ойратских племен, повествуют, что предки хойтов жили в государстве Тимуридов и занимали там чуть ли не господствующее положение. При этом они дают точную карту империи Тимура, что очень удивило монголиста Ю. Лыткина. Б.Я. Владимирцов⁸ писал, что наибольшее количество арабских слов встречается в тех средне-монгольских наречиях, носители которых, уйдя из Монголии на запад, близко столкнулись с миром мусульманской культуры. В данном случае речь идет об ойратах, преданья которых навеяны кочевьями в Северной Индии, Персии и Средней Азии.

Приведем примеры заимствований в ойратском языке из арабского: *almus* < араб. *алмаас* «ведьма, дьяволица»; *araki* < араб. *арак* «водка, кумысная водка, вино»; *xanjal* < араб. *ханжар* «кинжал»; *merēs gem* < араб. *мараз* «гнойная рана, болезнь»; *sabang* < араб. *сабун* «мыло»; *siub* «плащ, накидка» < араб. *жубба* «нижнее платье из хлопчатобумажной ткани».

К персидским словам в ойратском языке относятся следующие заимствования: *bolur* «хрусталь, горный хрусталь», *bers* «ферзь», *šitare* «шахматы», *irbis* «леопард, пантера», *kebis* «ковёр», *killing* «бархат; рубашка», *šalbur* «шаровары, штаны, брюки», *Xormustaa* «Хормуста», *kükür* «горячая сера», *debter* «тетрадь, книга», *durnab* < перс. *дурбин* «бинокль, зрительная труба», *taaba* < перс. *таба* «сковородка», *tarbus* < перс. *тарбуз* «арбуз», *bolod* < перс. *пулад* «сталь, булат», *xala* < перс. *хәләби* «жесть, жестяной», *šiker* < перс. *шукер* «сахар».

Китайские заимствования

Начиная с XV века ойраты вели борьбу с могущественной Китайской империей. Со стороны ойратов это была борьба за независимость, за торговые рынки и цивилизованные торгово-экономические отношения с более развитым в культурном и экономическом отношении соседом – Китаем. Известны блистательные победы ойратов над китайскими войсками во времена Эсен-хана (XV в.), Галдан-Бошикту-хана (XVIII в.), Галдан-Церена (XVIII в.). Но были периоды, когда ойраты с Китаем мирно сосуществовали, между ними развивались торгово-экономические связи. Особенно благоприятные политические (на дипломатическом уровне) и торгово-экономические отношения с Китаем установились у ойратов в период правления дипломатичного хошутского Байбагас-хана. Так или иначе, но на протяжении нескольких веков ойраты имели тесные контакты с Китайской империей. Естественно, это отразилось на ойратском языке, словарный состав которого пополнился за счет заимствований из китайского языка. Приведем примеры: *sayajung* «фарфор, фаянс; чаша, пиала», *siyudai* «мешок», *diyen* «постоялый двор», *šamša* «рубашка», *čisčü* «чесуча», *xanje* «лежанка, нары», *yamun* «министерство, управление», *yangbuu* «бязь, бязевый», *yangdung* «дымоходная труба», *yangju* «вид, форма; тип, стиль; характер, поведение, нрав», *soyije* «щётка», *seyisü* «циновка», *puujing* «ракета», *piyu* «балет», *rangse* «фанза», *palang* «эмаль; глазурь», *lā* «свеча, свечка», *laje* «бак; банка», *lang* «лан; мера веса, равная 37,3 г», *lantuu* «кувалда», *liir* «груша», *lingque* «лотос», *longqu* «бутылка», *luubang* «морковь», *bayičai* «капуста», *bandang* «скамейка, лавка», *bangja* «доска», *bangsi* «пельмени», *bir*

«кисть для письма», *boobo* «печенье», *buram* «тростниковый сахар», *wang* «вторая степень княжеского достоинства; князь», *wayar* «ваза, черепаха», *wadang* «кусок материи для заворачивания, чего-либо», *yuwa* «дыня», *daa* «великий, большой, начальник, руководитель», *deyije* «блюдец», *deng* «светильник, лампа», *denglui* «фонарь», *dengse* «весы, меры», *bū* «ружьё» (Позднеев С. 133), *daaling* «кожаная сумка, перекидываемая через седло» (Позднеев С. 210) < кит. *да-лянь* «перемётная, перекидная через седло сумка» (Голстунский, III. С. 44), *yanza* < кит. *гань-цзы* «курительная трубка» (Позднеев С. 106), *zandī* < кит. *чжан-и* «плащ, накидка, епанча (без рукавов и пол)» (Голстунский, III. С. 313), «плащ, накидка, мантия, бурка» (Позднеев С. 257), *поуоп* < кит. *ляо-йе* «князь, господин, воевода» (Владимирцов С. 350), «князь» (Позднеев С. 70), *šang* < кит. *цан* «сокровище, клад; кладовая, амбар; сокровищница, казначейство» (Голстунский II. С. 294), *giu* «нефрит», *labia* «раковина», «казна, монастырское казначейство» (Позднеев С. 162), *saj* < кит. *ча* «чай» (Позднеев С. 239); «чай» (Голстунский, III. С. 239).

Заимствования из маньчжурского языка

В 1640 году маньчжуры завоевали Китай. В том же году лидеры ойратских племен собрали на свой съезд вождей монгольского мира. Одним из главных вопросов съезда было установившееся господство маньчжуров над Китаем. Со второй половины XVII века ойраты Хошутского ханства на Куку-норе и Джунгарского ханства имели тесные связи с маньчжурами, новыми завоевателями Китая. До XII века, а может быть и раньше, монголы, в том числе ойраты, контактировали с маньчжурами. В языках этих народов много сходных слов. Эти контакты, как военно-политические, так и торгово-экономические, продолжались вплоть до уничтожения маньчжурами как Хошутского, так и Джунгарского ханств. Сами же маньчжуры, как известно, растворились среди многочисленных подданных – китайцев. Но остались маньчжурские слова в ойратском языке – следы существования грозного и могучего народа, сумевшего покорить не только огромный Китай, но и уничтожить до этого непобедимые ойратские ханства.

Маньчжурские заимствования относятся в основном к области административной лексики, например: *amban* «сановник, вельможа», *bēl*, *beyile* «третья степень княжеского достоинства», *beyise*, *bēs* «четвёртая степень княжеского достоинства».

Тюркизмы

О лексических соответствиях в монгольских и тюркских языках написано немало работ (Б.Я. Владимирцов, Н.Н. Поппе и др.). Ц.Д. Номинханов⁹ представил более 600 именных соответствий в калмыцком и тюркском языках.

Некоторые ученые предполагают, что часть этих соответствий унаследована от предполагаемого тюрко-монгольского или даже алтайского праязыка, другие же являются древними заимствованиями. Можно привести примеры, являющиеся общими для тюркских и монгольских языков. Например: *xačir* «скула», *arān* «клык, резец», *alixan* «ладонь», *altan* «золото», *sülde* «счастье, знамя», *sünesün* «душа», *čikin* «ухо», *kelen* «язык, жало», *saxal* «борода», *zō* «спинные позвонки», *čimegen* «мозг в костях», *uruul* «губа», *dalu* «лопатки», *zürken* «сердце», *züsün* «вид, внешность, род».

Наряду с монголо-тюркскими параллелями в лексике ойратского языка имеются тюркизмы, проникшие в тот или иной период его истории. Так что некоторые слова можно определенно отнести к заимствованиям из тюркских языков. Например: *buyudai* «пшеница». Ср.: тюрк.: каз. *бидай*, к.-калп. *бийдай*, уйг., тур. *буҒдай*, туркм. *бугдай*, кирг., г.-алт. *буудай*, др.-уйг. *пуктай*, осм., джаг. *бугдай* «пшеница»; *bürsaç* «горох». Ср.: тюрк.: каз. *буршак*, кирг. *буурчак*, тур. *бурчак*, уйг. *пучак*, осм., туркм. *бурчак*, чув. *пурчак* «горошина»; *üzüm* «изюм, виноград». Ср.: тюрк.: к.-калп. *джюзюм*, туркм., тур. *үзүм*, узб. *үзүм*, уйг. *озум* «виноград»; *asagan* «вечер» (в других монгольских языках: халх. *үдэш*, бур. *үдэшэ* «вечер»). Ср.: тюрк.: каз., кирг., тур. *акшам*, азерб. к.-калп., уйг. *ахшам*, туркм. *агшам*, узб. *окшом* «вечер, сумерки»; *ajuu* «медведь» (в других монгольских языках: халх. *өтөг* «медведь», бур. *баабгай*, *хара гүрөөһэн*, книж. *баахалдай*, хорин. *бартаху* «медведь»; письм. монг. *ötögö* «медведь»; в ранних ойратских текстах также встречается форма *ötögö* «медведь», в поздних – *ajuu*). Ср. с

тюрк.: каз., к.-калп., г.-алт. аю, кирг. айу, азерб., туркм., тур. айы, узб. айык, джаг. өткә, хак. азыг «медведь»; *ödmeg* «хлеб» (в других монгольских языках: халх. *талх(ан)* «хлеб (печёный)», бур. *талха(н)* «хлеб; тесто, мука», письм. монг. *talqa* «хлеб, гречневая мука»). Ср. с тюрк.: тур. *өкмен*, өджаг. *өтмәк*, др.-уйг. *өдмөг*, коман.-Радлов *өтмәк* «хлеб печёный, булка»; *beşemed* «казакин, поддёвка, кафтан». Ср. с тюрк.: кирг. *бешманг*, уйг. *пешмет* «верхняя одежда, сшитая в талию, бешмет»; *biliq* «знание»; письм. монг. *biliq*. Ср. с тюрк.: каз., кирг. *билик*; *bölöq* «глава», письм. монг. *bölüq*, х.-монг. *бүлэг*. Ср. с тюрк.: каз., кирг. *бөлök*; *keseq* «часть», письм. монг. *keseq*; х.-монг. *хэсэг*. Ср. с тюрк.: каз., кирг.

Почему я отнес вышеприведенные слова к тюркизмам? В одних случаях я руководствовался тем, что ойратские слова, отнесенные мною к тюркизмам, не имеют соответствий, аналогов в других монгольских языках, что уже свидетельствует о заимствованном характере данных слов. В ойратском языке есть такое слово, как *ajuu* «медведь». В халха-монгольском языке употребляется слово *өтөг* «медведь». В бурятском — *баавгай* «медведь». В письменномонгольском языке — *ötögö* «медведь».

В тюркских языках встречается форма *айун* «медведь». То же самое можно сказать и о другом ойратском слове *aratu* «лиса, лисица». В халха-монгольском — *үнэг(эн)* «лиса, лисица». В бурятском — *үнэгэн* «лиса, лисица». В письменномонгольском языке — *ünegen* «лиса, лисица». В тюркских языках встречается форма *арат* «лиса, лисица». В ойратских письменных источниках XVII-XVIII веков еще встречается форма *ünegen* «лиса, лисица». В ойратских памятниках XIX-XX вв. встречается слово *aratu* «лиса, лисица». По этому же принципу я отнес к тюркизмам ойратские слова *beşemed* «казакин, поддёвка, кафтан», *ödmeg* «хлеб». Относительно слова *ödmeg* «хлеб» у меня есть предположение, что данное слово арабского происхождения и попало в язык ойратов Нижнего Поволжья либо через посредство тюркского языка, либо через посредство кабардинского. Следует здесь подчеркнуть, что у волжских ойратов в XVII-XVIII веках были очень тесные военно-политические, торгово-экономические и культурные контакты с Кабардой. Между кабардинской и калмыцкой знатью

существовали родственные связи. Хорошо известно, что женой калмыцкого Дондук-Омбо-хана была знатная кабардинка Джан. Одна из жен Аюки-хана – черкесская княжна. Дондук-Даши-хан был женат на кабардинке (одна из его жен). Калмыцкая знать регулярно ездила лечиться в Кабарду, на Горячие воды (Халун Усун) – современный город Горячеводск, находится недалеко от г. Нальчика. Так что арабские слова могли проникать в ойратский язык и через кабардинский язык. Например, в случае со словом *ödmeg*. Эту догадку усиливает тот факт, что китайские калмыки (синьцзянские, алашаньские, куку-норские) не знакомы с этим словом. Также не знают это слово и ойраты Западной Монголии. Следовательно, ареалом распространения рассматриваемого слова *ödmeg* «хлеб» является территория Нижнего Поволжья, где проживают компактно калмыки – потомки ойратов. Не исключая я и возможность проникновения слова *ödmeg* в калмыцкий язык и через тюркские языки. Например, через язык крымских татар, контакты с которыми у калмыков были тоже достаточно тесными.

Изучая лексические соответствия в тюркских и монгольских языках, очень сложно отграничить их одно от другого, прийти к выводу, кто у кого позаимствовал данное слово. Например, среди монголистов и тюркологов долго шли споры по поводу происхождения слов *tömör* «железо» и *tenggir* «небо». Тюркологи утверждали, что данные лексемы являются исконными тюркизмами, монголисты относили их к исконной монгольской лексике. Эти споры логично разрешил востоковед Е. Поливанов. Он убедительно доказал, что слова *tömör* и *tenggir* и тюрки, и монголы заимствовали из китайского языка.

Многие лингвисты считают, что слова *buudai*, *buγudai*, *būrcaq*, *üzüm* являются тюркизмами. Мы также склонны разделять это мнение, так как известно, что древние тюрки были не только кочевниками, но еще и хорошими земледельцами, чего нельзя сказать о предках монголов. Даже во времена Джунгарского ханства (XVII-XVIII вв.) хлебопашеством, садоводством, бахчеводством, згородничеством у ойрат занимались подневольные люди, попавшие к ним в рабство: уйгуры, бухарцы, узбеки, моголистанцы. Так что данная лексика в монгольский язык пришла в древности из тюркских языков вместе с покупаемым у

тюрков товаром. К тюркизмам можно отнести и следующие термины: *tuturya* «рис»; х.-монг. *тутрага* «рис»; письм монг. *tuturya*. Ср. с тюрк.: коман.-Радлов *тутурган*; джаг.-Радлов *тутургу* (возможно, что слово *tuturya* в монгольский язык проникло из какого-то другого языка); *bal* «мёд», халх. *бал* «мёд», бур. *бал* «мёд». Тюрк.: каз., кирг., туркм., тур., азерб. *бал*, осм., коман.-Радлов, к.-калп. *пал*, *бал*; узб. *бол*; чув. *пыл*, *пул* «мёд»; *arbai* «ячмень; овёс (дербет.)», халх. *арвай*, бур. *арбай*, тюрк.: каз., уйг., туркм., тур., кирг., к.-калп., узб. *арпа*, хак., г.-алт. *арба*, чув. *орпа*, *урпа* «ячмень»; *injir* «винная ягода», халх. *интөөр* «вишня», тюрк.: каз. *инжир*, кирг. *анжыр*, осм., азерб., джаг.-Радлов *өнджир* «винная ягода»; *ögöq* «слива». Тюрк.: каз. *өрик*, кирг. *ерүк*, узб. *үрик*, тур. *өрик* «слива», азерб. *өрик* «абрикосы, курага»; *yalıyaq* «грецкий орех». Тюрк.: каз. *жанган*, коман. *йәнәк*, орх. *йанак*, джаг. *йанак*, уйг. *анФак*, узб. *ёнФок*, кирг. *жангак* «грецкий орех»; *alima* «яблоко»; халх. *алим* «яблоко», бур. *альма* «яблоко», письм. монг. *alima* «яблоко», тюрк.: каз., к.-калп., азерб., кирг. *алма*, уйг. *алма*, узб. *олма*; тур. *елма*, чув. *улма* «яблоко».

¹ Голстунский К.Ф. Монголо-русский словарь. Т. I-III, с дополнениями. СПб., 1898-1901

² Позднеев А. Русско-калмыцкий словарь. Саратов, 1931

³ Владимирцов Б.Я. Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия. М., 1989. С. 20

⁴ Там же. С. 22

⁵ Яхонтова Н.С. Ойратский литературный язык XVII века. М., 1996. С. 34

⁶ Там же

⁷ Поппе Н.Н. Монгольский словарь Мукаддимат Ал-Адаб. М.-Л., 1986. С. 6

⁸ Владимирцов Б.Я. Арабские слова в монгольском. Записки Коллегии Востоковедов. V. 1930. С. 74

⁹ Номинханов Ц.-Д. Материалы к изучению истории калмыцкого языка. М., 1976